

Н.В. ЧАРЫКОВ В ПЕРИОД БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА 1908-1909 гг.

© 2016 О.А. Чернов

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 25.03.2016

Данная статья посвящена изучению деятельности Н.В. Чарыкова в период Боснийского кризиса 1908-1909 гг. Показаны изменения его позиции от содействия А.П. Извольскому на начальном этапе до поддержки позиции П.А. Столыпина на завершающей стадии.

Ключевые слова: Н.В. Чарыков, внешняя политика России, внешняя политика Австро-Венгрии, Балканы, Босния, Николай II, А.П. Извольский, П.А. Столыпин.

Как известно, в 1908 г. Австро-Венгрия осуществила аннексию Боснии и Герцеговины¹.

В рассматриваемый период Н.В. Чарыков – крупный дипломат и признанный учёный², занимал должность товарища министра иностранных дел и в силу данного обстоятельства принял непосредственное участие в событиях, связанных с Боснийским кризисом.

17 августа Н.В. Чарыков получил записку от начальника Генерального штаба российской армии Ф.Ф. Палицына, в которой сообщалось о принятом правительством Австро-Венгрии решении аннексировать Боснию и Герцеговину.

Н.В. Чарыков, исполнявший обязанности министра иностранных дел, выразил сомнение в возможности подобного развития событий, целиком полагаясь на Рейхштадтское соглашение 1897 г., которое основывалось на признании ситуации статус-кво на Балканах.

Однако 20 августа министр иностранных дел А.П. Извольский сообщил Н.В. Чарыкову о предложении Эренталю. Согласно ему Австро-Венгрия намерена присоединить обе славянские провинции, и Эренталь предложил Извольскому обсудить условия компенсации для России. Извольский полагал, что необходимо потребовать компенсаций. Прежде всего, в вопросе о статусе проливов Босфор и Дарданеллы³.

Говоря о Рейхштадтском соглашении 1876 г., Ф. Нотович полагает, что «не только последний царь, но и Извольский и Чарыков не знали о существовании ... секретных соглашений до того момента как потрясла беда с аннексией», «до ... 8 (21) октября 1908 года»⁴. Однако Н.В. Чарыков утверждает, что самолично под диктовку канцлера Горчакова писал текст данных соглашений, а потому, в отличие от других, даже высокопоставленных дипломатов, знал о них⁵.

Так начинался «самый важный политический случай 1908 года», которым была «односторонняя отмена Австро-Венгрией статьи 25 Берлинского

трактата, менявшая оккупацию Боснии и Герцеговины на аннексию этих сербских областей»⁶.

Несмотря на то, что переписка А.П. Извольского и Н.В. Чарыкова носила секретный характер, по мнению немецкого учёного П.У. Шрёдера, само намерение Австро-Венгрии аннексировать Боснию носило характер «секрета Полишинеля»⁷.

По словам Н.В. Чарыкова, «Россия тайно согласилась за долгие годы до этого на эту аннексию ... но Извольский считал необходимым зафиксировать его формальное согласие определенными условиями, которые были составлены им в меморандуме в семи пунктах». Один из этих пунктов предусматривал открытие Босфора и Дарданелл для военных кораблей России.

В результате Н.В. Чарыков «сердечно поддержал»⁸ своего начальника и друга.

В ответном письме от 28 августа 1908 г. он признавал, что «решение венского кабинета объявить... присоединение Боснии и Герцеговины следует считать ... бесповоротно принятым».

Позднее Н.В. Чарыков писал, что был твердо убежден и в том, что этим шагом Россия несколько не приближается к разрешению вопроса о проливах. По его мнению, А.П. Извольский постоянно возвращался к его комбинации и верил в то, что он проведет Эренталю и сделает великое русское дело, не поступаясь никакими нашими интересами⁹. Данная информация вступает в противоречие с содержанием докладов Николаю II и с мемуарами Н.В. Чарыкова.

Н.В. Чарыков сообщал Извольскому, что аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, предпринятая 24 сентября 1908 г., оказалась столь стремительной и неожиданной как для России, так и для других европейских государств, не говоря о Балканских странах¹⁰.

В эти дни проявляется натура Н.В. Чарыкова как дипломата новой формации. Вопреки принятой в МИДе традиции избегать публичности, он тесно работает с прессой и даже выступает с инициативой своего доклада в Государственной Думе, устанавливает прямые контакты с лидера-

Чернов Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии. E-mail: ochernow@gmail.com

ми ведущих политических партий – прежде всего с А.И. Гучковым¹¹.

Н.В. Чарыков извещал А.П. Извольского о своей беседе с А.И. Гучковым: «Я разъяснил ему доверительно вопросы, которые смущают его и его политических друзей. Он ручается, что Дума не поднимет вопросов внешней политики до обсуждения сметы министерства и ставит в Ваше распоряжение себя и свою газету»¹².

«Именно Чарыков держал в руках следующие переговоры»¹³, – подчёркивает германский историк О.С. Вэдэл.

У.К. Фуллер отмечает, что именно А.П. Извольский дал Н.В. Чарыкову поручение установить контакты с Гучковым, Милюковым и другими политиками, полагаясь на их поддержку. Фуллер замечает, что все предположения Извольского были ошибочны. Поведение Извольского вызвало «ярость других видных царских министров». Совет министров «принудил Чарыкова переделать памятную записку в Бухлау»¹⁴.

11/24 сентября А.П. Извольский указывал Н.В. Чарыкову на необходимость подготовить общественное мнение и печать. «(1) Необходимо воздействовать не только на «Новое время», но и на другие органы. Хорошо бы переговорить с Гучковым, (2) и, если возможно, то и с Милюковым, который только что был на Балканском полуострове и, судя по донесениям Сементовского, весьма здраво рассуждает о болгарских делах (3)». Чарыков с готовностью подключился к делу, о чем свидетельствуют его пометы на письме Извольского: «1) Это дело продвигается, пока, очень успешно; 2) Я это сделаю тотчас по возвращении Гучкова в Петербург; 3) Милюков был при мне профессором в Софийском университете, и я могу возобновить с ним знакомство».

12/25 сентября Н.В. Чарыков докладывал царю: «После доверительного совещания Гирса с редакторами газет «Новое время», «Слово» и «Речь» этому предприятию положено, по видимому, благоприятное начало, выразившееся в серьезных, но и достаточно умеренных заметках в сегодняшних номерах первых названных газет»¹⁵. Ожидания поначалу оправдались. Н.В. Чарыков сообщал А.П. Извольскому в Париж 20 сентября: «Гучков, ознакомленный мною с сущностью дела, обещает полную поддержку своей фракции. Печать в достаточной мере в наших руках».

А.С. Таминез между тем отмечает, что «с 1906 до 1910 гг., ... с одной стороны, российские официальные лица хотели остаться дружественными с Турцией и Австрией, ... с другой стороны, официальная политика также хотела восстановить международный престиж, поддерживая балканских славян в их борьбе против турецкой и австро-венгерской и немецкой гегемонии. Те, кто поддерживал официальную линию, включали царя, Извольского, заместителя

министра иностранных дел Чарыкова, и депутатов в правом националистическом лагере Думы. В оппозиции были октябристы, некоторые кадеты, и умеренные правые в Думе и их сочувствующие в царском кабинете, которые одобряли явно антиавстрийскую и антинемецкую линию и защищали «определенную задачу России объединить балканских Славян»¹⁶.

Между прочим, эта точка зрения вступает в противоречие с вышесказанным, ибо Н.В. Чарыков, равно как и А.П. Извольский, рассчитывали на поддержку А.И. Гучкова и П.Н. Милюкова и, более того, по словам Н.В. Чарыкова, получили её.

Е.Г. Кострикова отмечает знакомство венского корреспондента СПА В.П. Сватковского с Н.В. Чарыковым, которое давало возможность корреспонденту агентства лично вступать в переписку с товарищем министра иностранных дел. Так, «В феврале 1909 г., ...он просил Чарыкова «намекнуть хоть в общих чертах, держимся ли мы однажды принятого курса (по вопросу о Боснии, Сербии и Черногории) или уклоняемся в ту или другую сторону».

В результате 12 сентября в газетах «Новое время» и «Слово» появились статьи, которые Чарыков охарактеризовал как «благоприятное начало, выразившееся в серьёзных, но достаточно умеренных заметках». Австрия была представлена агрессором, покушающимся на славянские государства, а Россия – единственным защитником, который был обязан вмешаться для «поддержания справедливости и мира на Балканах».

Н.В. Чарыков ознакомил с ходом переговоров Николая II сразу после того, как получил от Извольского уведомление, что русские предложения о компенсациях приняты Эренталем.

Он вспоминал, что «начал работать регулярно с Его Величеством, когда министр иностранных дел, мой друг и однокашник Александр Извольский, выехал за рубеж в августе 1908 года, начинать неожиданный серьёзный довоенный кризис, вызванный аннексией Боснии и Герцеговины, и еще раз в мае 1909 г., когда Извольский должен был выехать за рубеж для поправки здоровья».

Н.В. Чарыков отмечал, что «каждый из царских министров должен был иметь личный доклад Его Величеству один раз в неделю. День министерства иностранных дел был вторником». Но поскольку император находился на военных манёврах, он отправился непосредственно туда¹⁷.

Император принял точку зрения Чарыкова – Извольского и заметил, что в случае изменения режима проливов на основаниях выдвинутых ими в качестве компенсации России «...нечего хлопотать о Константинополе», и добавил, что успешное решение было бы «решением векового вопроса»¹⁸.

Е.К. Хелмрич замечает: «Он получил разрешение от царя, «чтобы подготовить проспект а la Gortchakoff ... Великим державам, подписав-

шим Берлинское соглашение, приглашая их на конференцию для модификации того соглашения на основе нашего соглашения с Веной», а также он «получил согласие царя вести переговоры непосредственно с Турцией в отношении вопроса Проливов»¹⁹.

С этого момента между Н.В. Чарыковым и А.П. Извольским начались разногласия. Н.В. Чарыков был сторонником немедленного возбуждения вопроса о пересмотре статей Берлинского трактата и созыве конференции, не дожидаясь объявления Австро-Венгрией решения об аннексии Боснии.

Так, в разговоре с английским послом Никольсоном Н.В. Чарыков отрицал факт принятия официального решения по боснийскому вопросу, заметив, что произошёл лишь конфиденциальный и предварительный обмен мнениями. Само же решение данного вопроса предполагается на специальной международной конференции²⁰. А представителю Италии Н.В. Чарыков сказал, что «он узнал, что австро-венгерское правительство намеревается изменить юридическое положение Боснии и Герцеговины»²¹. 15 сентября Н.В. Чарыков дважды проводил консультации с послом Франции по боснийскому вопросу²².

Извольский расценил действия Чарыкова как торопливость. Впрочем, в объёме компенсаций Чарыков и Извольский вполне сошлись. Суть их состояла в том, что Австро-Венгрия полностью освобождала Ново-Базарский санджак и отказывалась от дальнейшей экспансии на Балканах, признавала право России и других причерноморских государств на проведение своих военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы, признавала независимость Болгарии и превращение её в королевство, Сербия и Черногория получали приращения к территории, а также пересматривались условия навигации по Дунаю в смысле большего благоприятствования прибрежным балканским государствам²³.

Извольский теперь же просит поставить в известность о ведущихся им переговорах Столыпина и Совет министров, что Чарыков и сделал. Председатель Совета министров П.А. Столыпин был крайне возмущён поведением Извольского.

П.А. Столыпин выступил «с большой силой и красноречием, что Россия не должна давать её согласие на аннексию славянской земли германцам»²⁴. Особенно его возмутило то, что А.П. Извольский вёл переговоры втайне от российского правительства.

Между тем, как указывает Н.В. Чарыков, «Согласно Конституции ... все иностранные дела были переданы к исключительному усмотрению Его Величества. Таким образом, когда Извольский намеревался конфиденциально вести переговоры с Австро-Венгрией, Италией, Францией и Великобританией о компенсации для России в случае, если Австро-Венгрия объявит аннексию

балканских областей Боснии и Герцеговины, ... министр, получив согласие императора, имел формальное право переходить к действиям без ознакомления любого члена Кабинета и даже премьер-министра»²⁵.

П.А. Столыпин был совершенно не согласен с затеянными А.П. Извольским торгами о компенсациях. В этот момент Н.В. Чарыков переходит на сторону Столыпина. Что же случилось? Однозначных разъяснений этому в историографии нет.

Сам Н.В. Чарыков в своих мемуарах объяснял своё поведение достаточно лаконично: «После хорошо обдуманного размышления я решил примкнуть к П.А. Столыпину, и это было бы лучше, чем вызвать его отставку, поскольку она могла бы неизбежно ускорить процесс той реакции, которую до сих пор он один был в состоянии остановить»²⁶. В более ранних воспоминаниях объяснение ещё более конкретное – необходимо было избежать отставки Столыпина, «чье присутствие во главе правительства было нашей последней надеждой на спасение России от революционных катаклизмов»²⁷.

Кроме того, Чарыков был сам «удивлён» тому, что Извольский держал факт переговоров втайне от Столыпина и других членов правительства²⁸.

Несколько иная картина развития событий представлена в воспоминаниях В.Н. Коковцова. Из них следует, что, когда Извольский и Чарыков думали, что делают всё тайно, они ошибались. Столыпин показал Коковцову вырезку из венских газет, переданную ему Главным управлением по делам печати, сообщавшую в виде слуха, что во время пребывания в имении австрийского посла в России Берхтольда министров иностранных дел – Австро-Венгрии Эренталя и России – А.П. Извольского достигнуто принципиальное соглашение относительно аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, переданных по Берлинскому трактату 1878 г. во временное управление монархии»²⁹.

Чарыков объяснял своё поведение также приверженностью принципам «британской парламентской традиции – никогда не вызывать правительственный кризис по вопросам внешней политики»³⁰.

У. Лангер объясняет поведение Н.В. Чарыкова тем, что он «был также его [Извольского] конкурентом, и использовал первый удобный случай, чтобы проговориться, так сказать, премьер-министру Столыпину, министру финансов Коковцову, и военному министру генералу Редигеру». По его мнению, Извольский не узнал о «двуличности Чарыкова и действительно считал Эренталя ответственным за его замешательство», между тем Чарыков «работал рука об руку со Столыпиным увидев свободное поле для осуществления его собственной политики»³¹. Сходной точки зрения на мотивы поведения Н.В. Чарыкова придерживается и В.Е. Авдеев, отмечающий стремление Н.В. Чарыкова к ведению собственной политики»³².

Сам Н.В. Чарыков указывает, что по возвращении Извольский «одобрил все, что я сделал»³⁵.

У. Лангер подчеркивает, что Н.В. Чарыков хотел добиться открытия Проливов для России, однако не путём торговли концессиями в обмен на согласие Держав, а методом убеждения турок. Фактически жертвуя интересами южных славян, Чарыков хотел установить, по сути, российский протекторат над всей Османской империей. И «сразу после объявления австрийской аннексии Боснии, Чарыков начал эксплуатировать напряженность между австрийскими и турецкими правительствами»³⁴.

Также, как отмечает Б. Шмит, позиция П.А. Столыпина по вопросу о Боснии стала для Н.В. Чарыкова «большим сюрпризом»³⁵.

Николай II хотя и принял доводы П.А. Столыпина, но отнёсся к нему и его идеям крайне холодно³⁶. Холодность императора, возможно, объясняется тем, что Столыпин поставил Николая II перед выбором. В случае продолжения переговоров Извольского с Эренталем он требовал своей отставки. Тем не менее А.П. Извольскому было направлено указание – вместо переговоров заявить протест. Далее, как указано в мемуарах Н.В. Чарыкова, 10 марта 1909 г. «германский посол предъявил Извольскому ноту, которая была, по существу, ультиматумом в поддержку австро-венгерских претензий»³⁷.

Как отмечает А.В. Игнатъев, «Возможности военного выступления Австро-Венгрии против Сербии в случае строптивости последней руководство русского МИД не предвидело. Не ожидали Извольский и Чарыков ни противодействия общественного мнения своей страны – его считали возможным подготовить, ни оппозиции объединенного правительства. Успех в вопросе о проливах должен был оправдать»³⁸.

Следует отметить, что одновременно с Боснийским кризисом Болгария инициировала вопрос о своей независимости, что усложняло задачи российской дипломатии. Н.В. Чарыков полагал необходимым отложить этот акт на более подходящее время³⁹.

Итак, попытка достичь соглашения с Австро-Венгрией окончилась неудачей. Боснийский кризис показал, что единой внешнеполитической концепции в российском правительстве не было. Разногласия существовали как внутри правительства на уровне руководителей ведомств, так и внутри МИД. При этом сам Н.В. Чарыков поменял свою позицию уже по ходу кризиса. Версия о конъюнктурном характере этого поступка кажется не столь убедительной. Представляется, что на изменение позиции Н.В. Чарыкова повлияли два фактора – стремление к солидарности ради внутреннего спокойствия, а также возможность непосредственно заняться ближневосточным вопросом в ранге посла.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908-1909 гг. Л., 1964.
- ² *Чернов О.А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.
- ³ *Бестужев И.В.* Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики // Исторический архив. 1962. №5. Док. №1. Там же. С.116-117.
- ⁴ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907-1910 гг. Предисл. Ф. Нотовича, подг. А. Сергеев // Красный архив. 1932. Вып.1-2 (50-51). С.170, 171.
- ⁵ *Tcharykow N.V.* Glimpses of High Politics. London, 1931. P.99-100.
- ⁶ *Ibid.* P.269.
- ⁷ *Schroeder P.W.* Nation und Europa. Stuttgart, 2001. P.271.
- ⁸ *Tcharykow N.V.* Op. cit. P.269.
- ⁹ *Бестужев И.В.* Указ. соч. Док. №3. С.118.
- ¹⁰ *Улуныя Ар.А.* Взгляд имперской России на Балканы (начало XX в.) // Человек на Балканах. СПб., 2006. С.330-331.
- ¹¹ *Трифонова Е.К.* Европейское Просвещение и модернизация России в начале XX века: российская дипломатия и неославизм // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С.133.
- ¹² *Кострикова Е.Г.* «Мост через пропасть»: Отдел печати МИД и русская пресса в начале XX века // Российская история. 2010. №5. С.188.
- ¹³ *Wedel O.S.* Austro-German Diplomatic Relations. 1908-1914. California, 1932. P.90.
- ¹⁴ *Fuller W.C.* Strategy and Power in Russia 1600-1914. P.420.
- ¹⁵ *Кострикова Е.Г.* Указ. соч. С.188; *Воронкова И.Е.* Боснийский кризис и его оценка Конституционными демократами (к 100-летию события) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «История и политические науки». 2008. №4. С.112.
- ¹⁶ *Tuminez Astrid S.* Russian nationalism since 1856: ideology and the making of foreign policy. Oxford, 2000. P.138.
- ¹⁷ *Tcharykow N.V.* Reminiscences of Nicolas II // Contemporary review. 1929. №3. P.446.
- ¹⁸ *Бестужев И.В.* Указ. соч. Док. №7. С.125.
- ¹⁹ *Helmreich E.C.* A Proposed Russian-Turkish Agreement of 1908 // The Journal of Modern History. Vol.12, No.4, Dec., 1940. P.510.
- ²⁰ *Schmitt B.E.* The annexation of Bosnia, 1908-1909. Cambridge, 1937. P.22.
- ²¹ *Ibid.* P.24.
- ²² The New York Times. 1908. 16 september.
- ²³ *Бестужев И.В.* Указ. соч. Док. №3. С.119.
- ²⁴ *Tcharykow N.V.* Reminiscences... P.448.
- ²⁵ *Ibid.* P.447.
- ²⁶ *Tcharykow N.V.* Glimpses... P.270.
- ²⁷ *Tcharykow N.V.* Reminiscences... P.447.
- ²⁸ *Tcharykow N.V.* Reminiscences... P.448; *Tcharykow N.V.* Glimpses... P.270.
- ²⁹ *Кокорцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. М., 1992.
- ³⁰ *Tcharykow N.V.* Reminiscences... P.448.
- ³¹ *Langer W.L.* Russia, the Straits Question and the Origins of the Balkan League, 1908-1912 // Political Science Quarterly, Vol.43, No.3 (Sep., 1928). P.322, 323.
- ³² *Авдеев В.Е.* А.П. Извольский – глава внешнеполитического ведомства России: 1906-1910 гг. Дисс... канд.

- ист. наук. М., 2006. С.109.
- ³³ *Tcharykow N.V.* Reminiscences... P.449.
- ³⁴ *Langer W.L.* Op. cit. P.324.
- ³⁵ *Schmitt B.E.* The annexation of Bosnia, 1908-1909. Cambridge, 1937. P.35-36.
- ³⁶ *Ibid.* P.448.
- ³⁷ *McDonald D.* A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905-1914 // *Imperial Russian foreign policy.* Cambridge, 1993. P.292.
- ³⁸ *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России. 1907-1914. С.77.
- ³⁹ Подробнее см.: *Чернов О.А.* Позиция Н.В. Чарькова в вопросе о независимости Болгарии в период Боснийского кризиса // *Внешнеполитические интересы России: история и современность.* Самара, 2014. С.204-211.

N.V. TCHARYKOW DURING THE BOSNIAN CRISIS 1908-1909 YEARS

© 2016 O.A. Chernov

Samara State Social and Pedagogical University

The article is devoted to studying Tcharykow's activities during the Bosnian crisis. The author traces the changes of his position: from promotion of Izvolsky on the initial stage of the crisis to supporting Stolypin on the final stage.

Keywords: N.V. Tcharykow, Russian foreign policy, Foreign policy of Austria-Hungary, the Balkans, Bosnia, Nicholas II, A.P. Izvolsky, P.A. Stolypin.